

КРОКОДИЛ

МАЙ
1

МАЙ
2

МАЙ
9

Весёлый месяц май!

Рис. Л. Бродаты

НК

НЕБОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРОКОДИЛА

А

А — см. витамины.
АНАНАС — приятный колониальный фрукт. Бывают и неприятные колониальные фрукты.

АРТУР — для нас порт. Для японцев — экс-порт.

АРХИТЕКТУРА — искусство строить жилища другим. Искусство соорудить себе по знакомству дачку называется ловкостью рук.

Б

Б — см. витамины.

БА — восклицание. Например «Ба! Знакомые все лица!» — воскликнули советские карикатуристы Кукрыниксы и Ефимов, взглянув в Нюрнберге на скамью подсудимых.

БАНЗАЙ — японское «хайль». С теми же результатами!

БИЛЕТ (железнодорожный) — легко найдёшь во всякой энциклопедии, но не во всякой билетной кассе.

БЛАТ — отрицательное явление, о котором своевременно сигнализировал А. С. Пушкин: «Из тьмы лесов, из топи блат вознёсся стройно, горделиво...» («Медный всадник»).

БЛИЦКРИГ — бред сумасшедшего.

БРАТЯ ТУР и ШЕЙНИН — родились в 1902 году на юге России в небогатой семье. В 1908 году болели коклюшем. В 1912 году перенесли тяжёлую операцию: им удалили аппендицит. Уже в раннем детстве стали писать детективные пьесы.

БЮРО ПОГОДЫ — мало-влиятельное учреждение. Погоды не делает.

В

В — см. витамины.

ВИТАМИНЫ — см. А Б В Г Д Е Ж З И К Л и т. д.

ВУЗОВКА — неблагозвучное название миловидной девушки. Приятнее называть просто по имени. Валя например.

Г

ГЛОБУС — дутая заявка на земной шар (после сокращения).

ГОМЕР — член союза писателей древней Греции. Поэтический язык Гомера не был засорён такими неблагозвучными новогреческими словами, как хитосы, венизелосы, зервасы. К последним выборам в Греции Гомер никакого отношения не имел, хотя разговоры о том, что выборы прошли законно, вызывают гомерический смех.

Д

ДРАМАТУРГ ЛОСИНО-ОСТРОВСКИЙ — плодовитый автор. За время его творческой деятельности были написаны пьесы: «Он пришёл» (Пристли), «Офицер флота» (Крон), «Под каштанами Праги» (Симонов) и т. д.

Авто-портрет драматурга Лосиноостровского.

Е

ЭКЗАМЕН — если так пишешь, — не выдержишь.

Ж

ЖИЛИЩНОЕ ДЕЛО — вечно юная тема для фельетонистов.

З

ЗАСЛУГИ — имя существительное. К сожалению, некоторыми людьми употребляется с глаголом прошедшего времени. Например: «Были когда-то и мы рысаками».

И

И — союз (не для всех желательный). Часто употребляется в кинематографии. Например сценарий писателя Пальчикова и режиссёра Мальчикова.

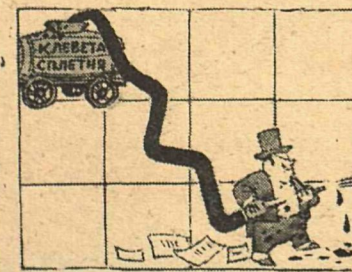
К

КАПИТУЛЯЦИЯ — нерусское слово. Введено русскими в немецкий язык 8 мая 1945 года.

ТАБЛИЦА 1

Кривая подъёма.

Кривая падения.

КРИВАЯ — линия. Часто употребляется в диаграммах (см. таблицу 1).

КУЗНИЦА ЗДОРОВЬЯ — место отдыха. Очень часто летом закрыто на ремонт.

Л

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА — драматург. От драматурга Константина Яковлевича Финна отличается главным образом именем, отчеством и фамилией.

М

МЗДА — пережиток прошлого. В настоящее время именуется взяткой. Более подробно о **В.** можно узнать в уголовном кодексе и судебных отчётах.

Н

НАЛЕВО — излюбленный творческий путь многих актёров и шофёров.

НИКУЛИН Л. В. — см. Шаляпин.

О

ОТРЕЗ — очень гибкое слово. Когда отказывают наотрез, — плохо, когда дают на отрез (ордер), — хорошо.

ОЧКИ — см. в оба.

ВЕСНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...
...МИЛИЦИОНЕРА

— Я всем указываю ход. Зима, насад! Весна, вперёд! (См. дальше.)

П

ПЯТИЛЕТКА — очень хорошее русское слово, которое не расходится с делом!

Р

РЕЙХСТАГ — немецкое приспособление для подъёма советского флага.

РЕЦЕНЗИЯ — краткое и несколько запутанное изложение содержания пьесы; полный перечень действующих лиц; указание, что все исполнители были на своих местах, и краткое замечание в конце, что пьеса несмотря на отдельные недостатки затрагивает в общем актуальную тему.

С

САМ ДУРАК! — популярное трамвайное выражение, которое в проектируемом ныне бесшумном трамвае будет, как рассчитывают, произноситься шопотом.

СОТВОРЕНИЕ МИРА — нечто необдуманное поступок, не без цели приписанный Погодину: «А если скажут: мир негоден, то... сотворил его Погодин».

Т

ТОЛСТОЙ Л. Н. — соавтор Н. Волкова по пьесам «Анна Каренина», «Воскресение» и «Война и мир». Пьесы «Живой труп», «Плоды просвещения» и «Власть тьмы» писал один.

У

УСУШКА, УТРУСКА, УТЕЧКА — слова, очень часто употребляемые в отчётах замага Чусинова Ф. П. после имени супруги Натальи Игнатьевны.

Ф

ФАШИЗМ — в объяснении не нуждается. Всем известно, какая это мерзость.

ФРАНКО — см. фашизм.

Х

ХОРОШИЙ ТОН — правила, всем известные. Некоторыми нарушаются (см. таблицу 2).

ХРЕНС РЕДЬКИС НЕ СЛАЩЕАС — греческая поговорка, особенно в ходу при сравнении хитосов с популистами.

ХРЕН СТАРЫЙ — корм для лисичек.

Ц

ЦИЦЕРОН — оратор древнего Рима. Ораторское искусство в его время стояло на низком уровне развития. Изучая его речи, мы не находим таких простых оборотов и выражений,

которые ныне являются украшением многих ораторов. Как то: «Что мы имеем на сегодняшний день», «Ударим по неполадкам», «Изживём недопонимание», «Вправим мозги» и т. д.

Ч

Ч — буква алфавита, шипящая (см. Частное лицо).

ЧАСТНОЕ ЛИЦО — тоже шипящее.

ЧИК-ЧИРИК — старинное птичье выражение. Занесено к нам в середине XVII века неизвестным воробьём с Канарских островов. Искажённое канареечное «Честь имею кланяться». (Более подробно — см. отдел «Почему мы так говорим»).

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ХОРОШЕГО ТОНА

Не уступать места в трамвае старшим...

На сцене — молодым.

Ш

ШАЛЯПИН Ф. И. — не см. Никулин Л. В.

Щ

ЩАСТЬЕ — мало встречающаяся форма. Да и счастье-то, впрочем, не везде встречается!

ЩЕКОТКА — действие, которое, будучи добавлено к трём действиям комедии, вызывает смех.

Э

ЭРМИТАЖ — сад. Известен разнообразием летних эстрадных программ. В позапрошлом году там выступали: Смирнов-Сокольский, Райкин, Утёсов; зато в прошлом году выступали: Райкин, Смирнов-Сокольский, Утёсов; и, наконец, в новой программе нынешнего сезона будут выступать: Утёсов, Райкин, Смирнов-Сокольский.

ЭХО — эксплуатационно-хозяйственный отдел. Ни на что не откликается.

Ю

ЮБИЛЕЙ — знаменательная дата. Юбилеями не следует считать: трёхлетие эстрадного репертуара, пятилетие судебной волокиты, десятилетие катарра желудка и пятнадцатилетие творческой бездеятельности.

ЮМОР — как это ни странно — имеет большое сходство с телеграммой: до некоторых доходит в искажённом виде, до некоторых вовсе не доходит.

ЮНОНА — одна из трёх богинь-соперниц. Хотела, чтоб Парис выбрал её. Но так как в то время в Греции не было иностранных наблюдателей, выборы прошли нормально и Парис выбрал ту, которая была ему по душе.

Я

Я — местоимение. Пережиток индивидуализма. Успешно изживается хором Свешникова, исполняющим «Выхожу один я на дорогу» коллективом в семьдесят человек.

ЯМЩИК — устарелая профессия, вытеснена развитием автомобильной техники отовсюду, кроме эфира. Слушай в утренних, дневных и вечерних передачах: «Ямщик, не гони лошадей», «Когда я на почте служил ямщиком», «Еду, еду, еду к ней», «Вдоль по Питерской» и т. д. и т. п.

Нильская лилия. Требовательное растение. Требует... ухода.

Индийский лотос. Предпочитает расти на воле. В специальном надзоре не нуждается.

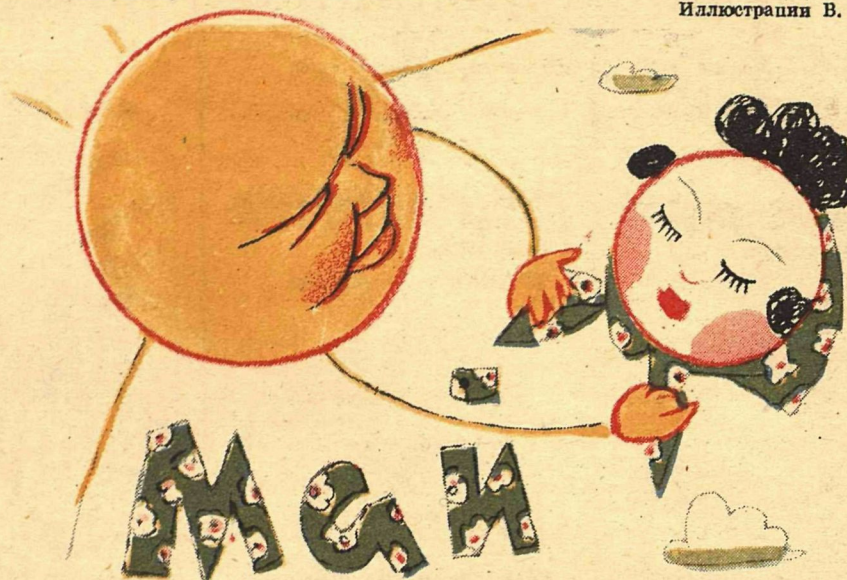
Турецкий боб. Декоративное вьющееся растение. Украшает помещение некоторых анкарских газет, привыкших оставаться на бобах.

Персидская сирень из семейства Сеид-Зей. Плохо пахнет. Распустилась давно. Посажена недавно.

...ДАЧНИКА
— Я не люблю весны, тем паче что я весной живу на даче (См. дальше.)

Пускай у весенних деревьев кудри
Ещё покуда не отросли
И снег запоздалый порою пудрит
Едва проступившую зелень земли,
Пускай зимы надоедливый кашель
Ещё пугает птиц-озорниц, —
Земля проснулась, и сердце наше
Чует сиянье майских зарниц.
Всё легче дышать. С ледоходом вместе
И хрипы и гриппы смыло волной,
И Май, чудеснейший капельмейстер,
Гремит симфонией над страной.
Под солнцем горит и блестит позолота
На тысячах алых победных знамён,
И славою Армии нашей и Флота
Первый мирный Май озарён.
От Кенигсберга до Семиречья,
От Порт-Артура до Ферганы
Мы слышим праздник весны

человечей —
Дружной, огромной советской весны.
Как пенную чашу, стих подымая,
Гляжу я на запад, на юг, на восток,
На север — и вижу, как радостью Мая
Светятся Выборг и Владивосток.
Где, когда, у каких народов
Бывали дни веселей и светлей?
Где был такой светлый праздник —
отдых,

Как Первое Мая у наших людей?
Праздник народа, который вечен,
Праздник труда, побед и надежд,
Праздник, который солнцем отмечен,
Расцветен радугой новых одежд!
По чести, как надо, праздник этот
Ещё мы не ценим. Скажу — не солгу:
Мы все — и поэты и непоэты —
У Первомае в большом долгу.
Майский праздник со всем его смыслом
Должен оставить следы и в быту.
В докладах пусть будут факты и числа,
А быт — любит чувства и теплоту.
Десятки праздничных майских
традиций,

Красивых традиций советской земли,
У нас вполне могли бы родиться,
Но мы им родиться не помогли.
Я, например, вопрос подымаю
(Пусть критик ругается, сух и строг!),
Чтоб в лавках и дома к Первому Маю
Был специальный майский пирог.
Пусть домохозяйки обсудят со вкусом,
Как его делать и в стиле каком,

С чем он там будет — с вареньем иль с
маком, —
Важно, чтоб майским он был пирогом.
Ещё предлагаю, чтоб скромный иль
яркий
В петлицах у всех был майский цветок.
Кто бы ты ни был — министр иль
доярка, —

Но без цветка не ходи за порог!
В причёску девушкам — майские ленты;
Зеленью, хвоей украсим дворы;
Майские танцы, сюрпризы, легенды
Давайте придумаем для детворы.
Сделаем так, чтоб, прожив на свете
Много и много кипучих лет,
Вспомнить с любовью могли наши дети
Праздников майских немеркнущий свет.
Ещё предлагаю... А, впрочем, хватит!
Критик и так уж кричит на меня,
Что если я и не обыватель,
То обывательская родня.
Ах, критик! Не спорьте

с поставленной выше
Проблемой, — потрудимся вместе
над ней.
Мы оба хотим, чтобы Май наш вышел
Самым чудесным из праздничных
дней.

Подумаем вместе над этой задачей,
И пусть теперь же, сразу, сейчас
Проверит каждый майский докладчик
Привычный запас оборотов и фраз.
Пусть выкинет всё, что бесцветно и
скучно,

Пускай говорит так, чтоб пела душа,
Чтоб радовать смелых, будить
равнодушных,
Чтоб в зале народ замирал не дыша!
А если не сможет, тогда предлагаю:
Пусть выйдет и скажет просто, как я:
«Подруги, товарищи! С Первым Маем!
С радостным днём, дорогие друзья!»
И пусть потом будут и песни и танцы,
Пусть будет всем и легко и смешно.
Кто двинет в лес, кто — на лодке
кататься,
А хочешь кино, — иди в кино.
И вечером дома, усталый, довольный,
На майские звёзды смотря из окна,
Пусть каждый вздохнёт и промолвит
невольно:
«Какая хорошая штука — весна!»

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Утопая, он больше всего боялся глотнуть сырой воды.
 Микробы не становятся более опасными оттого, что микроскоп их увеличивает.
 История сентиментальной литературы: от Карамзина до жалобной книги.
 К старости он стал лучше видеть. Он не видел только того, что состарился.
 И пишушему кровью сердца потребны чернила.
 Дама была в критическом возрасте: она уже писала критические статьи.
 Пара лошадей — не дуэт.
 Вулкан может потухнуть, но его нельзя потушить.
 Был до того светлой личностью, что хотелось надеть на него абажур.
 У строителей воздушных замков всегда хватает стройматериала.
 Так привык жаловаться на зажим самокритики, что вместо «башмак жмёт» говорил: «Башмак зажимает».
 Выходные дни тоже засчитываются в срок жизни.
 За свою спину не спрячешься.
 Верх скептицизма: не верить ни в это, ни в ВТО¹.
 В справочном бюро не справляются о смысле жизни.
 Десять лет бился над проблемой солнечных часов, которые действовали бы круглосуточно.
 Просмотр спектакля был до того «закрытым», что на него никто не попал. Спектакль, говорят, прошёл с большим успехом.

¹ ВТО — Всероссийское театральное общество.

М. ЯКОВЛЕВ

Рис. М. Черемных

Опубликование пятилетнего плана вызвало клеветнические отклики в реакционной печати.

ЗНАКОМАЯ ОПЕРА

Объединённый ансамбль дон-сэр-мистер-эффенди-Базилио исполняет арию «Клеветы».

Ой вы, соколы-дружки,
 Не топчите сапожки
 Возле дома, возле окон
 Чудо девицы-души.
 Для неё, для черноокой,
 Вы не больно хороши.

Вы её покой не троньте.
 Был её дружок на фронте.
 Он сражался на Карпатах
 В батальоне боевом.
 Не тягайтесь с ним, ребята,
 Вы не стоите его.

А ребята: — Ну, скажи, ты,
 Что ж мы лыком, что ли, шиты?
 Распахнули вмиг тужурки,
 А под ними (вот-те на!)
 На гражданских ладных куртках
 Трудовые ордена.

Как бы парни ни гордились,
 Двери в дом не растворились,
 И видали все подруги,
 Что красавица села
 На знатнейших лиц округи
 Даже глаз не подняла.

Парни ждали и стояли.
 Пока ноги мёрзнуть стали.
 И от гордой королевы
 Возле крашенных ворот
 Повернул один налево,
 А другой — наоборот.

Алексей ФАТЬЯНОВ

...ДАЧЕВЛАДЕЛЬЦА
 — А я весьма люблю весеннюю горячку! Весною всё растёт... вплоть до цены на дачку! (См. дальше.)

Поэтический трепет

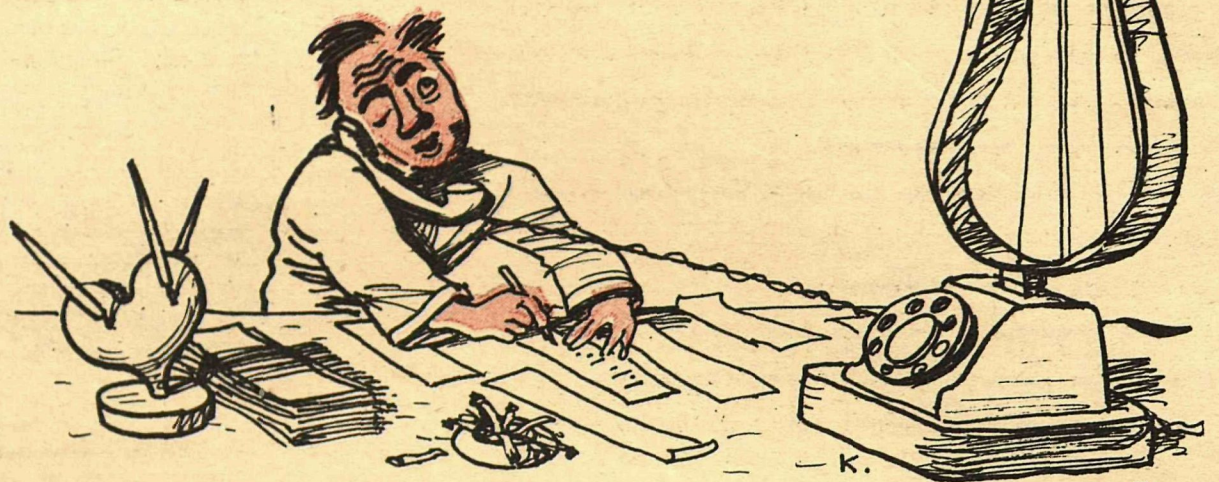

Иллюстрация А. Каневского

ВЕСНОЙ на крыльях тёплого апрельского ветра, обгоняя стремительные жёлтые уличные ручьи, прилетает вдохновение и сердцами-людей овладевает священный поэтический трепет. От разных причин трепещут различные поэтические сердца. Одни вторят весёлому щебетанию птишек, другие стучат в унисон с ломами дворников, скальвающих талый лёд, третьи сладко замирают в неясной истоме от приятного и душистого весеннего воздуха.

Вдохновение поэта Захара Штукатулкина уже много вёсен подряд пробуждалось немолчным звоном телефона. С середины апреля начинали звонить из редакций, и Штукатулкин дрожавшей от волнения рукой записывал заказы на узеньких полосках бумаги, похожих на аптечные сигнатурки. И в мозгу начинали тесниться весенние рифмы для всех ведомств и отраслей промышленности.

В этом году весна пришла рано и уже в конце первой декады апреля усадила Штукатулкина за письменный стол. Ему, согласно сигнатурке, лежащей перед ним, предстояло воспеть май для читателей медицинского журнала «Красный стрептоцид» и для спортивной газеты, отразить весеннюю тематику в органе работников общественного питания, в курортной газете и железнодорожной газете службы движения. Во всех этих уважаемых органах Штукатулкин сотрудничал не первую весну, и поэтому работа спорилась. Уже были перепечатаны на машинке произведения для «Красного стрептоцида», начинающиеся вдохновенными строчками: «Весной от зелени немытой бывает иногда колит», — и темпераментные стихи о бодельщике для спортивной газеты. Уже пошла в переписку весенняя ода пассажирскому движению. Уже были написаны вчерне стихи для общественного питания, и сейчас всё вдохновение поэта обрушилось на курортников. Он писал:

«Весна, весна — тепло и нега,
И вот у моря вы опять,
Совсем не надо много бегать,
А надо есть и много спать...»

Вскоре и это сочинение было завершено. И тут то ли от творческого переутомления, то ли от коварного весеннего ветра, проникшего в форточку, Штукатулкин почувствовал себя плохо. Температура оказалась повышенной, и поэт слёг, поручив жене разнести готовую продукцию по редакциям.

Впрочем, болезнь оказалась несерьёзной, и уже через три дня бодрый и сияющий Штукатулкин входил в кабинет редактора органа общественного питания.

— Ну, как стихи? — жизнерадостно спросил он.

— Не пойдут! — сухо ответил редактор.

— Почему? — удивился Штукатулкин. — Мне кажется, я...

Но редактор не дал ему договорить:

— А потому, дорогой товарищ, что мы заказывали вам лирические стихи, а не фельетон.

— При чём тут фельетон? Не понимаю, — обиделся Штукатулкин. — Я писал чистую лирику.

— Это лирика? — редактор горестно усмехнулся. — Это?..

И он вынул из папки листок, в углу которого Штукатулкин даже издали увидел размашистое «Не пойдёт!» и прочитал:

«Весенние мысли

Весной от зелени немытой
Бывает иногда колит.
А если избежишь колита,
То просто так живот болит.
Весна пришла — снега растают,
А тут и лето на носу
И чёрных мух большие стаи
Тебе инфекцию несут.
Но волноваться нет причины,
Не бойся и садись за стол.
Мы верим в силу медицины —
В касторку, висмут и салол!»

Несколько раз Штукатулкин пытался превратить редактора, но тот лишь отмахивался. Наконец поэту удалось вставить слово:

— Это ошибка!.. Это же в «Красный стрептоцид»! Честное слово, я писал это не вам!..

— Не делайте из меня дурачка, — строго сказал редактор. — Что значит — не нам. Мухи — не нам? Немытые овощи — не нам?.. Нарушение правил санконтроля — не нам?.. Знаете, я тоже не ребёнок!..

— Но...
— До свидания!.. И возьмите ваши стихи... Это нетипично... Прощайте!..

Естественно, что в редакции «Красного стрептоцида» Штукатулкин появился уже сильно озабоченный. Ему было ясно, что жена что-то перепутала при распределении стихов, и теперь предстояло выяснить, что досталось медикам.

Медицинский редактор, человек мягкий и деликатный, укоризненно посмотрел на него и сказал:

— Конечно, у нас есть отдельные недостатки — и по части приёма, и в деле гигиены, и по линии скорой помощи надому, — но зачем же вообще отрицать медицину?..

— Кто отрицает медицину?.. — неуверенно спросил Штукатулкин.

— Да вы же. Вот у вас ясно сказано. И редактор процитировал на память:

«Пройдут декады две, и лето
У мая примет эстафету.
Играть в футбол — мне не резон,
Так что же мне сулит сезон?
Моим ногам — не бить рекорды,
Штанам на корте — не белеть,
Поскольку, заявляю гордо,
Я буду круглый год болеть.
Заставлю и жену и сына
Болеть я нынешней весной —
И никакая медицина
Не сможет справиться со мной...»

— Это же в «Спорт»! — в отчаянии восклик-

нул Штукатулкин. — Послушайте, я вовсе не хотел...

— Не надо волноваться, — мягко остановил его редактор. — Может быть, вы правда больны. Идите, голубчик, полюбите...

Редактор курортной газеты был человек дела:

— Вот что, раз вам не нравится постановка культмассовой работы в наших санаториях, раз вам тесно и душно, — путёвку я вашей жене не дам. Всё! А стишки можете взять... Ишь ты, какой нашёлся! — и, возвращая рукопись, он раздражённо продекламировал:

«Пусть шумно и жарко,
Пусть душно и тесно...» Пока!

Уже по первым строчкам Штукатулкин понял, что сюда попали пассажирские стихи. И по пути в редакцию «Спорта» он печально повторял их про себя:

«Пусть шумно и жарко,
Пусть душно и тесно,
От радиомышки пусть не до сна.
Но всё ж на пейзажи
Смотреть интересно,
Но всё же за окнами мчится весна.
Имеется море,
Имеется горы,
И пусть мой сосед — массовик
молодой —

На старом баяне
Ведёт переборы
И сыплет истории — все с бородой!»

В спортивной редакции Штукатулкина ждал приятный сюрприз:

— Вашу штучку мы даём с карикатурой и с эпиграфом, — весело сказал редактор. — Только название мы сменим. Вместо «Весенние размышления» напишем: «Бывают и такне», — и, дружески ткнув поэта в живот, редактор ухмыльнулся: — Здорово вы их продрали!

— Кого продрал? — робко осведомился Штукатулкин.

— Ну, ну, не скромничайте! В самую точку попали. Есть у нас ещё такие чемпионы, которые не тренируются, которых опекают, которые живут под крылышком своих спортобществ. Вообще возьмитесь у нас вести фельетон! А?..

— Но я... Это не мой жанр.

— Бросьте, бросьте! У нас вся редакция повторяет... Постойте-ка, как это? — и весёлый редактор начал читать стихи, в которых Штукатулкин без труда узнал свой курортный опус:

«Весна, весна — тепло и нега,
И вот у моря вы опять,
Совсем не надо много бегать,
А надо есть и много спать!
Прогнать докучные заботы,
Беречь покой своих ночей,
Жить абсолютно без заботы
Под наблюдением врачей.
Полнеть, полнеть неудержимо,
Жирок солидный нагонять —
Нет, право, лучшего режима
Я не могу вам пожелать!..»

...В пассажирскую редакцию Штукатулкин уже не пошёл. Он пошёл домой. Ругать жену.

М. СЛОБОДСКОЙ

...ХУДОЖНИКА
— Весна прекрасна! Даже... даже на плохо сделанном пейзаже! (См. дальше.)

ОДНАЖДЫ...

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Однажды английский драматург Лондэль сидел на премьере весьма посредственной пьесы. После первого акта Лондэль предложил приятелю уйти из театра.

— Это неудобно, — ответил приятель. — У нас ведь бесплатные билеты.

Драматург подчинился, но в середине второго акта поднялся и направился к выходу:

— Иду заплатить за билеты...

ОТВЕТ СУВОРОВА

Однажды к проживающему в ссылке опальному Суворову прибыл из Петербурга от Павла I пакет с надписью: «Фельдмаршалу графу Суворову». Прочитав адрес, Суворов рассердился и, не приняв пакета, заявил:

— Это не мне, фельдмаршал должен находиться при армии, а я нахожусь в деревне.

О ПОСЕТИТЕЛЯХ

Однажды писатель А. Дюма, которого одолевали посетители как раз в период, когда он заканчивал свой новый роман, повесил на дверях такое объявление:

«Те, кто ко мне приходит, оказывают мне великую честь.

Те, кто не приходит, доставляют мне огромное наслаждение!»

РЕПЛИКА СО СЦЕНЫ

Однажды во время представления «Ричарда III», когда исполнявший главную роль известный актёр Сулливан воскликнул: «Коня, коня! Полдарства за коня!», — какой-то остряк с галёрки крикнул:

— Мистер Сулливан! А осёл вам не подойдёт?

— Разумеется! — последовал ответ. — Скорее идите сюда...

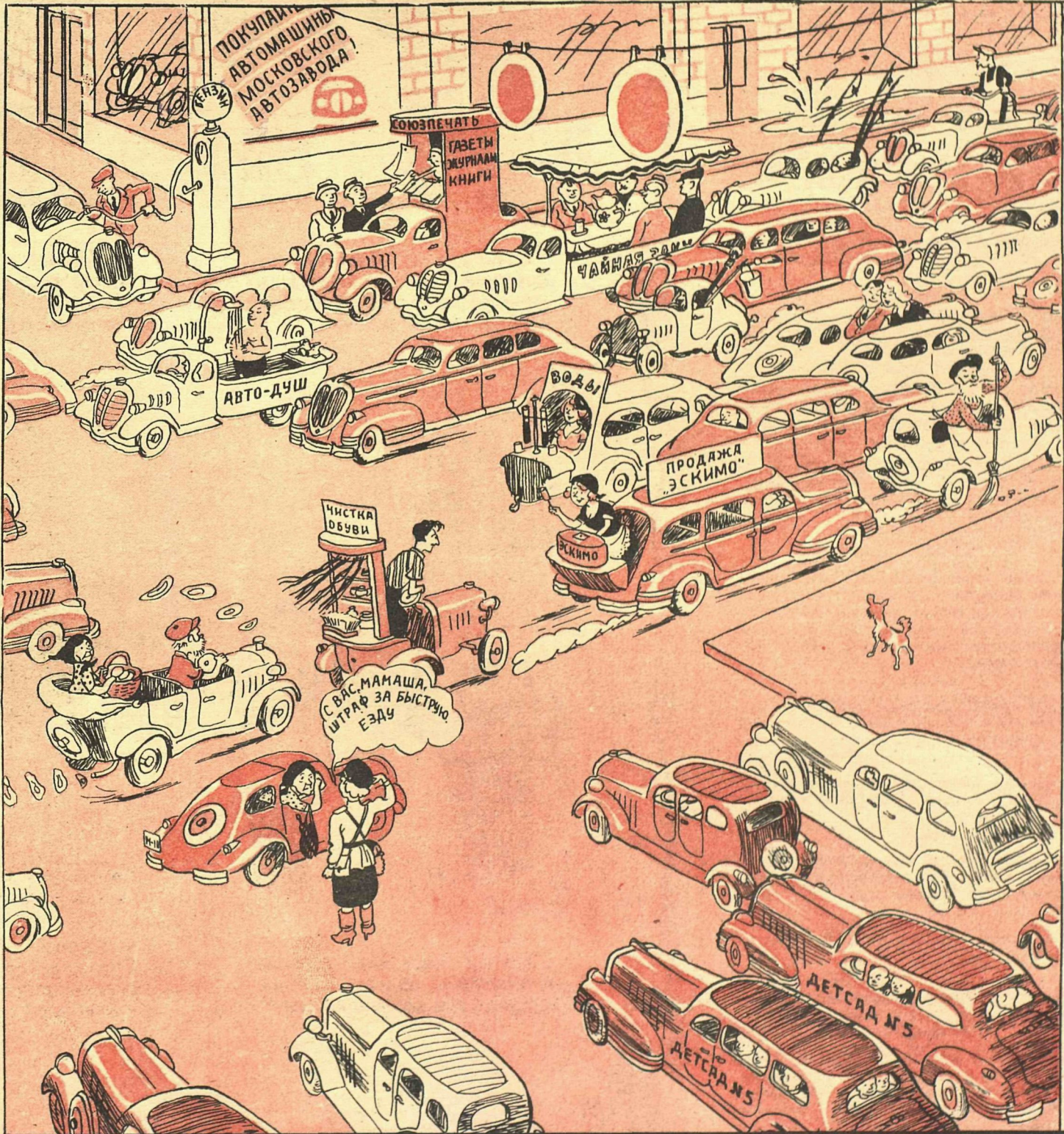
ТОНКИЙ НАМЕК

Однажды художник Утрилло, расплачиваясь в Париже с шофёром такси, дал ему сверх платы мелкую монету и при этом сказал:

— Выпейте за моё здоровье стаканчик вина, милейший.

— Но у вас такой болезненный вид, маэстро, что одного стаканчика будет мало, — ответил, улыбаясь, шофёр.

Рис. И. Семёнова

Городская картинка недалёкого автобудущего.

МОЙ ДРУГ

«В мае жениться — весь век маяться»
(Народная примета)

Он пришёл в начале мая,
Не от градусов хмельён:
— Милый друг, схожу с ума я,
Очевидно, я влюблён!

— Если не в своём уме ты,
В загс иди с ней — мой совет.
— Рад бы в рай, да я в приметы
Крепко верю с малых лет.

— Я в приметах понимаю,
Потому и говорю:
Ты любовь спланируй к маю,
А женитьбу — к ноябрю.

— Грудь мою сомнение гложет, —
Он вздохнул, нахмутив бровь. —
Май пройдёт, а там, быть может,
До зимы пройдёт любовь?

Вот теперь и верь приметам.
Друг мой дожил до седин.
Не женился — и при этом
Век свой маяется один.

В. ГРАНОВ

О РАТОРЫ...

(ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА СОБРАНИИ
ПРОФАКТИВА ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.)

«У него душа честная, но, товарищи, на сегодняшней день — держать его начальником орс нельзя».

«Наряду с достижениями мы имеем и недостатки, такие, как брачная работа отдельных нерадивых товарищей».

«Щёлканье семечек занимает почётное место в нарушении тишины зрительного зала. Куфение в зале также достигает своего уровня».

«Недовыполнение плана оздоровления детей через лагеря, согласно установленного контингента, привело к бродящей молодёжи в садах, ломанию древесных насаждений, измятию трав».

«Молодёжь, возрастающая и воспитывающая при нашем предприятии, не знает себе определённого места для своего просвещения и культурного проведения своей жизни, а бегаёт по месту производства, чем мешают в работе старшему поколению».

«От лица своего коллектива заверяю собравшихся, что мы и впредь с такой же энергией будем перевыполнять трудности».

«Как одно из достижений, товарищи, растраты в текущем году пока прошли мимо и не коснулись нашего орс».

«А каково положение с парком? Он у нас в беспорядочно-хаотическом состоянии: там пасутся быки, коровы и блохи».

«А жилищный отдел — просто болячка на нашем теле».

«Рабочие справедливо требуют многоблюдности».

«Нами по плану должно быть надоеено (голос с места: «Да это не нами...»), прошу, товарищи, не перебивать этот важный молочный вопрос, который может сорваться в связи с незавезённым коров».

Записал Ф. БАТКИН

г. Орджоникидзе.

...ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОГОРОДНИКА
— Мой огород далёк, но, несмотря на дальность, туда я езжу каждый день. Я полагаю так: что тот, кому не лень, проявит ин-ди-ви-дуальность! (См. дальше.)

Рис. Ю. Гаифа

МОДЫ

АТЕЛЬЕ КРО

КОСТЮМЫ, КОТОРЫЕ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ НОСИТЬ НИ ВЕСНОЙ, НИ ЛЕТОМ, НИ ОСЕНЬЮ, НИ ЗИМОЙ

Спецдежда блатмейстера. Изящный и вместительный костюм, рассчитанный на жидкие, твёрдые и сыпучие тела.

Детский костюм для верховой езды (на трамвайной колбасе). Удобен как при сидении, так и при падении.

Костюм писателя. Старая, проверенная модель. Как известно, в нём хорошо писали.

Модный купальный костюм. Обращает на себя внимание облегчённый тип стриженной чернубурки.

КОДИЛА

Модели весенне-экзаменационных платьев. Простой, скромный туалет, изящно отделанный шпаргалками.

Однобортный костюм для заседающих. Хорошо и долговременно сидит.

ПЛОХОЕ ЗРЕНИЕ

Глазной врач армейской приёмной комиссии попросил новобранца прочесть таблицу.

— Какую таблицу? — спросил тот удивлённо.

— Присядьте на этот стул, я вам покажу.

— Какой стул? — спросил новобранец, щуря глаза.

Его признали негодным по зрению. Из комиссии он пошёл прямо в кино. Когда зажгли свет, он с ужасом увидел в соседнем кресле врача из комиссии.

— Простите, сэр, — сказал симулянт, не растерявшись, — куда идёт этот автобус?

ПРОСТАЯ РАБОТА

Одного жонглёра после представления окружили зрители и стали выражать ему свои восторги.

— Да ведь это совсем просто, — сказал жонглёр, — любой пятилетний ребёнок может сделать то же самое, если попрактикуется лет двадцать.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЕ

НАЙДЕНА дамская сумка, оставленная в моей машине. Владелец может получить её обратно, прислав пять долларов, потраченные на это объявление. Если же она сумеет объяснить моей жене, как сумка попала ко мне, плачу ей десять долларов.

МОЛ. человек, наднях вступающий в брак, ищет встречи с опытным джентльменом, который сумел бы отговорить его от этого шага.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Начальнику Остерского отделения милиции ст. лейтенанту Галушенко.

Будучи по поручению начальника районного отделения милиции я, как заместитель начальника, допустил неэтичный поступок выпил вина полтора стакана и опьянел как мертвец шёл пьяный и не давал себе отчёта как сукин сын, опозорил милицию.

Я обращаюсь к Вам с единственной просьбой и клянусь простить мне мой идеотический поступок.

Толстов.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

В уголовную кассационную коллегия Вологодского областного суда

От осуждённого Блинова Ивана Павловича на приговор Народного суда Вожегодского района от 25-го февраля 1946 года.

В приговоре Народного Суда указано, я совершил кражу 10 килограмм зерна из склада через обнаруженную дыру в стене склада неизвестно когда и кем просверленную.

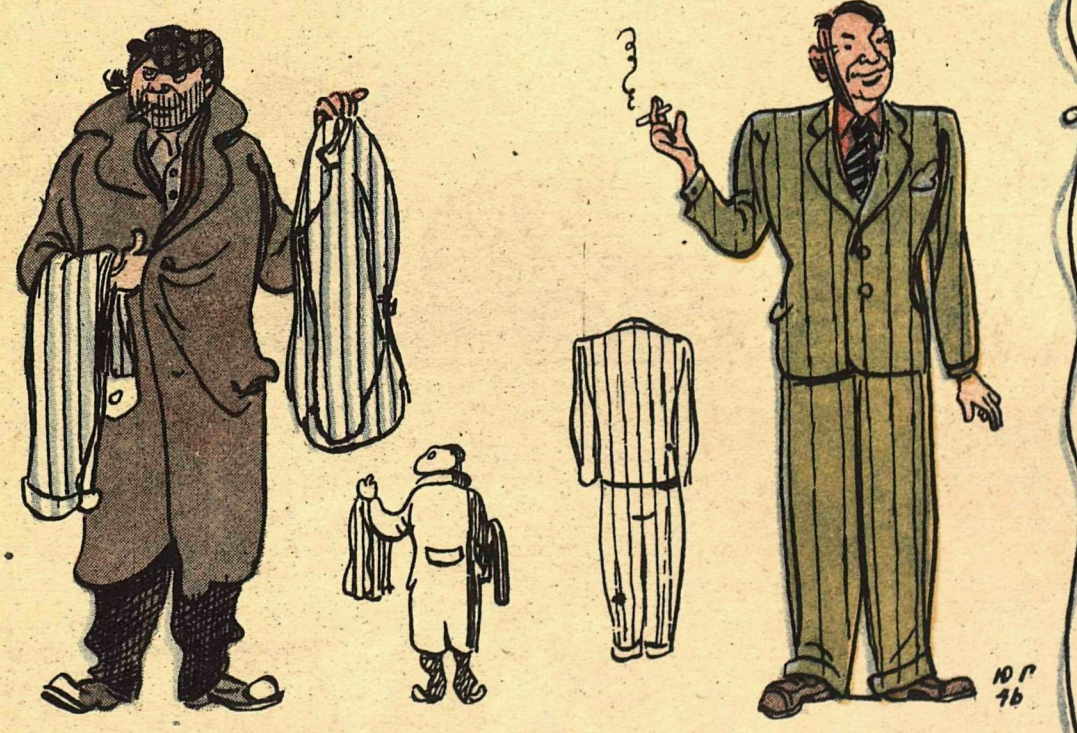
Да, действительно, похитил из склада дыру, просверленную в складе мне не известно кем, при следующих обстоятельствах. Придя на пост, я пошел возле склада обнаружив дыру, заткнул тряпкой. Когда тряпку вытащил, оттуда побежало зерно, я подставил принесённый мной мешок насыпал около 10 килограмм, так как был пьян.

Прошу уголовную коллегия Вологодского областного суда меру наказания определить не связано с лишением свободы.

За неграмотного по его личной просьбе расписался (Сакал).

* * *

Жалоба написана местным адвокатом С. Н. Суворовым, работающим в адвокатуре с 1937 года.

Костюм для спекулянта. Носится ежедневно через руку (на толкучку).

Элегантный костюм директора ателье мод. Сшит у частного портного.

...ПРОРАБА
— А если бы весну контора наша строила, весна б... дороже стояла! (См. дальше.)

Рис. К. Елсева

Хозяин Робинзон потерпел кораблекрушение — его выбросило на необитаемый остров. Место глухое, малокультурное: ни центрального отопления, ни централизованного снабжения. Другой, может, и растерялся бы, только тов. Робинзон не из таких был.
— Что же — говорит, — и на необитаемом острове люди живут!

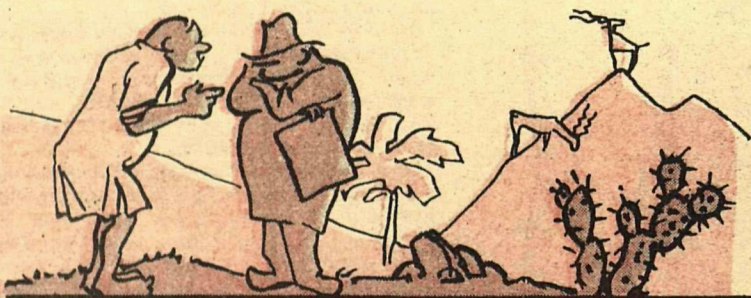
Глядь, а навстречу ему действительно товарищ с портфелем идёт. Обрадовался Робинзон помощнику.
— Вас, — спрашивает, — тоже кораблекрушение выкинуло?
— Почти, — отвечает тов. Пятницын. — Из треста... За бесхозяйственность. А насчёт организационной помощи — будьте спокойны: окажу.

Надумал Робинзон хижину строить. Лесу вокруг — хоть отбавляй, пальмы почтище, чем в гостинице «Москва». Приспичил Робинзон в уме, подсчитал.
— Тут, — говорит, — требуется...
— Заявка на лесоматериалы, — уверенно подсказал Пятницын и, сорвав пальмовый лист, стал строчить на нём вечным пером заявку в «Северобрвенно».

Ждут они, значит, ответа на заявку («Будет после тропического ливня в четверг!» — уверяет Пятницын), под проливным дождём мокнут.
— Зато, — говорит Робинзон, — проблема питания на данном этапе перед нами не стоит: булочки, можно сказать, на деревьях растут!
Протянул он руку к хлебному дереву, сорвать плод, а Пятницын его за руку хватил.
— Опомнитесь! — кричит. — Что вы срываете?! Вы срываете план централизованных хлебоделовозаготовок!

Решил Робинзон на животноводстве отыграться.
— Я, — говорит, — здешних коз приручить попробую.
Только Пятницын и на это категорически не согласился.
— Я, — говорит, — и сам за культурное животноводство, но ведь эти козы, во-первых, дикие, а во-вторых, район этот животноводческим не считается. Не проще ли, — говорит, — выписать коз с Алтая, где у меня, кстати, знакомый завхоз есть?

Призадумался Робинзон.
«Не на того, — думает, — помощника попал». Да ведь что поделаешь, на необитаемых островах, известно, с кадрами слабо. Пришлось терпеть.
А одежда на приятелях, между прочим, вполне износилась. Вспомнил Робинзон об одетых в густую шерсть островных козах и говорит:
— Надо бы нам, Пятницын, о каких-нибудь нарядах подумать...
— Подумал уже! — отвечает Пятницын, листая занумерованную им до последнего листа сорокметровую пальму. — Наряд на шерстяную ткань я от центра затребую, а вот о пуговицах, — говорит, — можно пожалуй, и самим позаботиться.

Сидит Пятницын под кокосовой пальмой, размышляет: где бы сэрве сыскать для выделки кокосовых пуговиц?! А на пальме в ту пору обезьяны резвились, кокосовые орехи грызли. Обронила мартышка по техническому недосмотру орех на голову Пятницыну — искры из глаз его полетели.
«Эге!» — смеянул, наконец, Пятницын, почёсывая затылок...
Впрочем, почёсывать затылок ему не пришлось: голову орехом чикнкого отшибло!

Заплакал Робинзон, что потерял помощника так поздно.
— Без его помощи, — говорит, — у меня бы давно уже всё было. И действительно, не прошло и полугодика, как у Робинзона уже была и хижина, и козья ферма, и своего изготовления масло, творог, и даже, кажется, швейцарский сыр... Чего ни добьёшься, умело используя местные ресурсы!

...КОНФЕРАНСЬЕ
— А я вовсе не рад. Ей богу, нет охоты поспешно подковывать все земные остроты! (См. дальше.)

ВЕСНОЙ всегда почему-то хочется невозможного. Хочется помолодеть лет на двадцать, и сидеть за партой с косичками за спиной, и дрожать перед выпускными экзаменами. Или хочется написать такой рассказ, чтобы люди, идя на преступление, вырезывали его из библиотечных журналов.

И хочется цветов. Именно сейчас хочется, когда во дворах ещё не растаяли кучи снега, а у обочин тротуаров, подгоняемые дворничками метлами, бегут мутные, серые речки и с крыши вас обдаёт холодная, хрустальная, весёлая капель. Очень хочется, чтобы вместо серых речек во всю длину Большой Ордынки протянулись узенькие рачки анютиных глазок, а, например, на Полянке хоть кое-где торчали пёстрые тюльпаны.

И вот мы, женщины старого, некрасивого дома, всегда немного усталые и сердитые, мы решили у себя во дворе разбить сад! Решили — и сразу помолодели и повеселели.

Наши мужчины, как водится, поворчали:

— Эх, вы! Не было бабе заботы — купила поросё.

Ничего. Когда сад расцветёт, они первые скажут с гордым видом:

— Ишь, ведь, какой наш сад красивый!

Меня женщины выбрали ходатаем по учреждениям, ведающим озеленением, и я пошла.

Я шла по весенним, весёлым мокрым улицам и в душе слагала обращения к заведующим отделами, обращения, изящные, как фиалки, скромные, как резеда, и убедительные, как крапива.

Мне сказали:

— Этим вопросом (не садами и кустиками, а вопросом) ведают товарищ Коловоротов. Он ушёл на обед.

— Коловоротов? — что-то такое милое и позабытое пробудила во мне эта фамилия. — Коловоротов... Коля? Простите, Николай..

— Николай Трофимович.

— Да, да, спасибо, — сказала я, стараясь не волноваться. — Я зайду немного погодя.

Коля Коловоротов! Моя самая первая, самая нежная и самая глупая любовь. А мне тогда было — простите, может быть, это вас разочарует, — мне было только одиннадцать лет и вдобавок я была толстая, неуклюжая девочка и имела курносый нос. Но мне всё-таки в глубине души казалось, что я вылитая Татьяна Ларина и что «задумчивость — моя подруга от самых колыбельных дней».

И я мечтала, что вдруг встречу где-нибудь, хоть у нас на Чугунном мосту, через который я каждый день ходила в школу, кого-нибудь, похожего на Евгения Онегина, и он скажет мне глубоким голосом: «Не всякий вас, как я, поймёт».

И в это самое время на моём горизонте появился Коля Коловоротов. Он вошёл к нам однажды вечером в сапогах с отворотами (почти как у Евгения Онегина с картинки Самокиш-Судковской). Он подошёл к маме и сказал, не выговаривая Л и Р (вместо Л он говорил В, а вместо Р ничего не говорил):

— Никааай Кавахотов!

И мне сейчас же показалось, что так — и только так! — должен говорить герой моего романа.

Ему было двадцать лет, он был сыном маминной старинной подруги и приехал из Калуги. Он попросил маму временно прописать его у нас, потому что он пишет стихи и хочет сделаться поэтом.

Коля Коловоротов поселился у нас в маленькой комнате, возле кухни. Глядя на закрытую дверь этой комнаты, я тихо мечтала, что он вдруг серьёзно заболеет, непременно чахоткой или горячкой, потому что только эти болезни, не в пример дизентерии или ишиасу, были романтичны и достойны горячего женского участия. И тогда я бы стала просиживать ночи напролёт у его изголовья и класть свою тонкую, бледную руку на его пылающий лоб!

— Я бы вам почитав мои стихи, — говорил он маме, не выговаривая Л и Р, и читал нарасспев:

«Наш уговор я бы уквасив оозами,
И вы бы в нём явивсь, как зая,
Я ваши муки обмочив бы слёзами,
Вишь только бы знать, что я влюбю не зья...»

— Ничего. — вежливо говорила мама. — Только, Коля, ведь это нигде не напечатает. Теперь надо что-нибудь созвучное эпохе.

— Это чистая вника! — говорил Коля Коловоротов. — Цветы, оозы и вюбовь созвучны вюбой эпохе.

Господи боже, как я была в него влюблена! Как я наслаждалась его лирикой, и, может быть, именно с тех пор и на всю жизнь я полюбила цветы и стала их считать созвучными любой эпохе.

И теперь, ходя по весенним мокрым улицам и дожидаясь, когда отобедает Николай Трофимович Коловоротов, я думала:

«Как хорошо, как всё удачно складывается, что это именно Коля! Теперь у нас будет сад! Цветущий, зелёный и даже, может быть, с розами?»

Коля Коловоротов прожил у нас тогда два месяца. И я должна сказать правду, он не обращал на меня никакого внимания.

«Конечно, — говорила я себе, и, как мне казалось, горькие складки ложилась вокруг моих скорбных губ, — конечно, я ещё девочка, но когда я кончу десятилетку, я напишу ему: «Коля! Вы к моей несчастной доле, хоть каплю жалости храня, вы не оставите меня?»

Через два месяца Коля от нас уехал. А я жадно читала в журналах красивые стихи, подлинные «Антокольский» или «Ахматова», и думала: «Может быть, это Коля Коловоротов, только под псевдонимом?»

Я посмотрела на часы. Наверное, Николай Трофимович уже отобедал, и вошла в учреждение.

Он или не он?

За столом сидел человек, похожий на осенний репей — серый, взъерошенный и колючий, — и ковырял во рту зубочисткой.

«Ничего, — храбро подумала я. — Ведь моё время, когда я была восемнадцатилетней задумчивой Татьяной, и ветренной Ольгой, и трагической Тамарой, — это время тоже прошло». И я сказала:

— Николай Трофимович, вы, вероятно, меня не помните? Вы жили у нас на квартире в двадцать втором году? — я назвала фамилию.

— Аа, — протянул он, — как же, как же!.. Только аззеве вы бвыи не мавычнк?

Но и это меня не огорчило. Ведь всё давно прошло, остались одни милые, немножко смешные воспоминания.

— Нет, — сказала я, — я всё время была девочкой.

— А-а, да, да, — сказал он, — помню, помню, такая товстая девочка, а теперь вы взоосвая дама. Конечно, я бы не узнав. Чем могу свужить?

Он попрежнему не выговаривал Л и Р. Я рассказала ему о нашей мечте — сад, цветы, кустики.

— Помните ваши стихи о розах?

Он поморщился:

— Оозы, мимозы, анютины гвазки — это всё чепуха. А гвавное, у нас ваш сад незапванивован. И кто это у нас там всякую чепуху пыидумывает! Ничего не выйдег. Живи без сада, ставо быть, и пооживуг! А ваш муж где ааботает? А, вот что! Вот это я понимаю, не наше лавшиное озевенеише, тёпное место! А, скажите, невзяа ви чезз него...

Дома, увидев моё расстроенное лицо, муж спросил:

— Ну, что?

Я сказала:

— Ничего. Несмотря на репей...

— Какой репей?

— И, несмотря на Коловоротова...

— Какой Коловоротов?

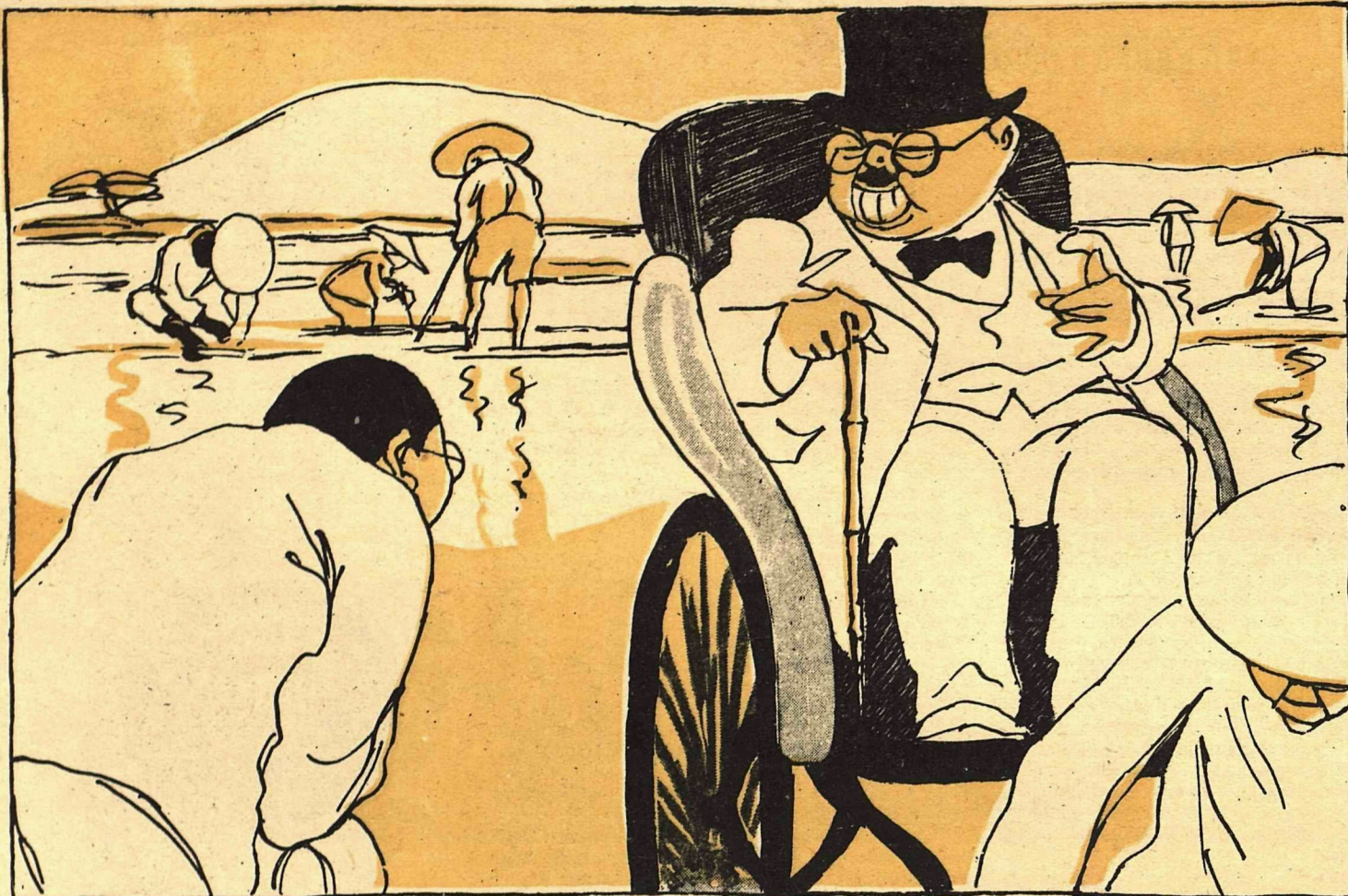
— Несмотря ни на что — и сад у нас будет и цветы будут!

В. КАРБОВСКАЯ

Отъезд Григория Новака из Чехословакии.

.. ДЕВУШКИ
— Вы тоже влюблены по случаю весны? (Сл. дальше.)

— А сколько собрали вы с этого поля голосов?

Старый индус

НЕДАВНО вечером сидели мы у Егорьевых. Пили, если память мне не изменяет, чай с лимоном.

Разговаривали, конечно.

Потолковали о заморозках, греческих выборах, индивидуальных огородах и тому подобных деликатных предметах.

Затем разговор как-то незаметно (не могу точно припомнить, как это случилось) перешёл на всякие суеверия, предрассудки и прочие отрывки.

Тут сразу оживилась Ирина Семёновна, хозяйка дома, которая заслуженно считала себя крупной специалисткой в этой области.

А надо вам знать, что Ирина Семёновна — неглухая женщина, много читает, ходит в оперу, решает кроссворды и умеет вставить словечко, когда речь заходит о международных событиях.

Но вместе с тем Ирина Семёновна упорно верит и в чох, и в сон, и в птичий гай. Она гадает на картах и кофейной гуще, толкует сны и точно знает все приметы и «вредные» числа.

И вот, когда в описываемый нами воскресный вечер кто-то коснулся этой темы (и коснулся, заметьте, иронически), хозяйка дома мигом встрепенулась и, засучив рукава муслиновой кофточки, ринулась в бой, защищая и острым словом и ядовитой улыбкой свои шаткие позиции.

Ну, конечно, поднялся шум горой. Сольные выступления сменились дуэтами, а дуэты — разноголосым хором. И уже нельзя было разобрать, кто за, кто против и кто воздерживается.

Лишь один человек сохранял нейтралитет и не принимал участия в споре. Это Михаил Петрович, врач-гинеколог, известный в нашем кругу как личность немногословная.

А посему мы все несколько удивились, когда он вдруг поднял руку и громко, стараясь перекричать всех нас, произнёс:

— Прошу слова!

Так как большинство участников дискуссии

устало и охрипло, просьба доктора была немедленно удовлетворена.

— Вот что, друзья,— начал он.— Я хочу рассказать вам одну историю. Она в некоторой степени может явиться иллюстрацией к тому, если можно сказать, наболевшему вопросу, который так шумно обсуждается вами.

— А на чью мельницу льёт воду ваша история? — спросил кто-то из присутствующих.

— На мельницу нашей милой хозяйки.

Гинеколог, как видите, отличался галантностью. Хозяйка поблагодарила его одной из своих самых очаровательных улыбок.

При свете этой улыбки Михаил Петрович продолжал:

— Наднях я был в одном доме, где познакомился с капитаном дальнего плавания. Честнейший человек. Очень серьёзный дядя. И вот, между прочим, он поведал мне ту историю, которой я и хочу с вами поделиться.

Ещё будучи юнгой — дело было в 1915 году,— капитан где-то в районе Алеутских островов познакомился со старым индусом. Он до сих пор помнит его имя — Андра-Бандра-Вандра-Госс.

И вполне понятно, что он запомнил его имя, мелодичное точно шопот волн священного Ганга и топот слонов на улицах Бомбея. Ведь этот старый индус сыграл немалую роль в жизни капитана.

Дело в том, что мудрый Андра-Бандра и так далее обладал неповторимым даром ясно-видения. И он предсказал — тогда ещё мальчику, юнге — всю его дальнейшую жизнь. Всё до самых мелочей.

— Как это интересно! — прошептала Ирина Семёновна.

— А не врал ли ваш капитан? — спросил Кулябко, инженер, слышавший у нас как индивидуум весьма трезвого образа мышления.

— Нет! — горячо ответил доктор. — Уверю вас, капитан не врал. Но слушайте: самое удивительное впереди. Индус наперёд знал все даты из биографии капитана. Так например он

ему точно предсказал, какого года, месяца и числа он получит первый офицерский чин.

— Подумайте! — прошептала в экстазе Ирина Семёновна.

— М-м-м,— промычал Кулябко.

— Но слушайте: самое удивительное впереди. Этот пророк сказал ему, что у берегов Борнео в таком-то году, такого-то месяца и числа судно, на котором капитан будет плавать, потерпит крушение и что часть команды, а именно тридцать девять человек, и в том числе капитан будут спасены. Так оно в точности и случилось...

— А не врал ли ваш капитан? — не унимался Кулябко.

— Тише! — прохрипела хозяйка. — Не мешайте.

— Нет! Нет и нет! Уверю вас, капитан не врал. Это очень солидный и положительный человек. Но слушайте: самое удивительное впереди. Этот Бандра-Вандра указал дату, когда капитан женится. Но, видимо, малость ошибся. Потому что ровно через пять лет он явился к капитану во сне и изменил дату, отодвинув день свадьбы на три месяца, с февраля на май. И действительно, капитан женился в мае...

Ирина Семёновна всплеснула руками, и на глазах её показались слёзы. Кулябко мрачно молчал.

— Но слушайте: самое удивительное впереди. Он точно предсказал капитану, какого года, месяца и числа он заболит колитом и какая у него будет температура. Он так же точно предсказал ему, когда он начнёт лысеть. Вот каков был старый индус!

Кулябко не выдержал. Он вскочил и не своим голосом закричал:

— Ваш капитан наврал! Наврал!!!

Михаил Петрович спокойно сказал:

— Нет. Он не врал. Это я...

— Что — вы?!

— Это я всё наврал...

* * *

Ирина Семёновна больше не приглашает к себе в гости Михаила Петровича.

Г. РЫКЛИН

...ДВОРНИКА
— Пусть солнышко, пусть дождь, мне, право, палять: я буду поливать! (См. дальше.)

ВОЗДУШКИ СЕЗОН

К ПОСТАНОВКЕ «КРУГА» МОГЭМА

В своём могуществе уверен,
— Могем! — воскликнул Ф. Каверин.
Увы, его на этот раз
И «Круг» спасательный не спас.

К ПОСТАНОВКЕ «НОВОГОДНЕЙ НОЧИ», ОНА ЖЕ «ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ», ОНА ЖЕ «ЖЕСТОКИЙ РОМАНС»

В «Ночь» непроглядную есть несомненный шанс
Продвинуть по «Шоссе» в театр любой «Романс».
Но вы, друзья, как ни зовитесь,
Сезону в гвозди не годитесь.

БАЛЕТ БАРЫШНЯ КРЕСТЬЯНКА

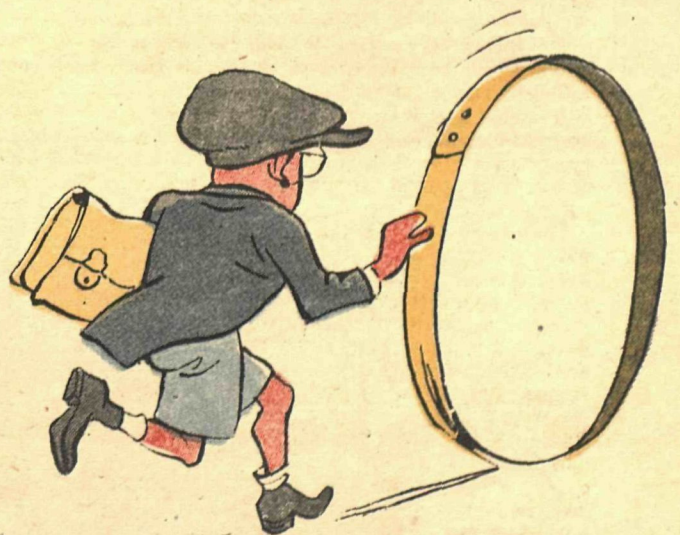
К ПОСТАНОВКЕ БАЛЕТА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

— И полно, Таня, в наши лета
Без танцев не было балета.

К ПОСТАНОВКЕ «ИДЕАЛЬНОГО МУЖА»

Вот — «Идеальный муж». А ежели не так,
То — идеально сшитый фрак.

К ПОСТАНОВКЕ «ЗОЛОТОГО ОБРУЧА»

Сколь губит жадность режиссёров!
Прельстился золотом Майоров:
— Ах, «Обруч» — детская игра!
Ах, позолота-мишура!
Хоть мы в театре смотрим в оба,
Нас иногда подводит проба.

...ПРОДАВЦА
— Я вежливее стал к весеннему сезону, пусть
от меня не ждут обид. Нет, покупателя и пальцем
я не трону, хоть и весной он, чорт, губит! (Ом.
дальше.)

Весною

Весною называется такое золотое время года, когда все женщины кажутся красавицами и все премьеры — крупными творческими достижениями.

Ошибки обычно выясняются не раньше июня.

Когда на улице или на бульваре один подвыпивший гражданин залепит плюху другому подвыпившему гражданину, все начинают звать милиционера, хотя милиционеру, наверно, гораздо приятнее общество трезвых людей.

На нашего брата-фельетониста привыкли смотреть, как на милиционера. Подразумевается, что он любит скандалы. Никто никогда не предложит ему:

— Пойдите, голубчик, на «Золушку» в Большой театр. Получите громадное удовольствие.

Зато, когда автор этих строк собрался в Ленинград, минимум десять человек почему-то настойчиво рекомендовали ему посмотреть оперетту «Верный друг» в Музыкальной комедии.

— Не могу, — отнекивался он. — Времени не хватит. Хочу побывать на «Дяде Ване» в Пушкинском театре, на балете в Кировском, на «Синичкине» у Акимова...

— Зачем вам «Дядя Ваня»? — удивлялись друзья. — Что вы Чехова никогда не увидите, что ли? А такую галиматью, какую написал М. Михайлов в «Верном друге», увидите ещё раз не так просто.

— Что же тут интересного, если это, как вы выражаетесь, галиматья?

— Как что «интересного»? Интересно то, что «Верный друг» настойчиво рекомендовался Музыкальным управлением комитета по делам искусства всем опереточным театрам.

А вчера один драматург, у которого давно уже нет собственных премьер и он тешит своё авторское самолюбие только чужими неудачами, даже специально позвонил по телефону:

— Послушайте, дружище, как это вы до сих пор не видели «Золотой обруч» Козакова и Мариенгофа? Это же для вас тема! Пальчики облизаете.

Тут уж я не выдержал:

— Не хочу облизывать пальчики. Сейчас весна, дорогой товарищ! У меня тоже в груди сердце, а не металлолом.

Время года заметно отражается на творчестве даже самого заядлого сатирика.

Зимой и осенью он полон критической желчи. Всё рождает в нём самые ядовитые ассоциации. Чуть тёплые радиаторы отопления напоминают стихи многих современных поэтов, которые тоже, как известно, не греют, а вид жёлтых, октябрьских листьев, уныло облетающих с деревьев, вызывает у него такую меланхолическую сентенцию:

— Вот и многие наши пьесы, как эти листья, больше одного сезона не держатся...

В летний зной и духоту писать совсем не хочется. Маешься, изнемогаешь, как на пьесе А. Гладкова «Новогодняя ночь», и, как на этой пьесе, думаешь только об одном: «Господи, когда же, наконец, конец?»

Слава богу, что летом почти некого и нечего критиковать. Театры разъезжаются в отпуск и на гастроли, премьеры берегутся к осени, цирка Шапито москвичи лишены уже несколько сезонов, так как Главное управление цирков не имеет не то брезента, не то инициативы, а эстрадные программы настолько неизменны, что можно смело брать свои рецензии за 1936 год и, слегка модернизировав, снова печатать...

Зато весной совсем, совсем другое дело!

Начинает ласково пригревать солнце, первые зелёные побеги появляются на голых газонах, с юга прилетают бригады грачей, а на юг отправляются бригады рвачей.

От всей этой весенней прелести смягчается даже сухое, колючее сердце сатирика.

Хочется быть добрым и доверчивым. Хочется всех любить и всё прощать. Хочется верить в то, что когда-нибудь откроется таинственный Театр киноактёра, Охлопков поставит, наконец, «Гамлета», Погодин перестанет кидаться на чужие пьесы и займётся своими.

Вот именно в такой весенний день в одной компании шла речь о наших достижениях в раз-

личных областях хозяйства. Директор текстильного треста рассказал, как они в кратчайший срок восстановили три совершенно разрушенных фабрики.

— У нас, в искусстве, восстановление тоже идёт на всех парах, — поторопился сообщить я. — В Камерном театре полностью восстановлена «Мадам Бовари», в оперетте восстанавливается «Летучая мышь», а восстановление «Ревизора» в Малом театре задерживается из-за отсутствия рабочей силы: нет режиссёров!..

Любопытно, что даже в тяжёлой индустрии наблюдаются явления, сходные с тем, что происходит в театре и литературе.

Молодой инженер из Донбасса описывал, сколько воды приходится откачивать из разрушенных шахт. Все ахали, а я только улыбнулся и сказал:

— Что шахты! Недавно в одном театре ставили пьесу довольно известного драматурга, так на всех репетициях воду из неё откачивали, и вот уже сколько спектаклей прошло, а всю воду не откачали...

Затем заговорили о разукрупнении Министерства нефтяной промышленности. Нефтяная промышленность так выросла и настолько усложнились условия работы, что пришлось создать два министерства на базе одного.

Кто-то из присутствующих спросил меня:

— А Комитет по делам искусств не собирается разукрупняться? В связи с большим количеством премьер?

На что я ответил: — Комитет не собирается, а вот наша драматургия уже давно и успешно разукрупняется.

— То есть? — Чехов управлялся с пьесой сам. Теперь драматургия выросла, и условия работы настолько усложнились, что, например, на базе одной пьесы «Кому подчиняется время» созданы три драматурга.

— Может, это просто случай?

Тогда я перечислил им все подобные «случаи»:

— На базе пьесы «Золотой обруч» созданы два драматурга — Козаков и Мариенгоф, на базе пьесы «Верные друзья» — два драматурга — Берггольц и Макогоненко, на базе пьесы «Самолёт опаздывает на сутки» — два драматурга — Савченко и Рыбак, а на базе двух оперетт («Одиннадцать неизвестных» и «На седьмом небе») создано шесть драматургов: Дыховичный, Слободской, Ласкин, Винников, Крахт и Типот — и два композитора — Богословский и Дунаевский.

Все взволнованно зашумели, а один проницательный инженер-нефтяник сказал:

— Нет, это — всё-таки явление другого характера, чем в промышленности. По-моему, у вас не драматургия выросла, а таланты разукрупнились...

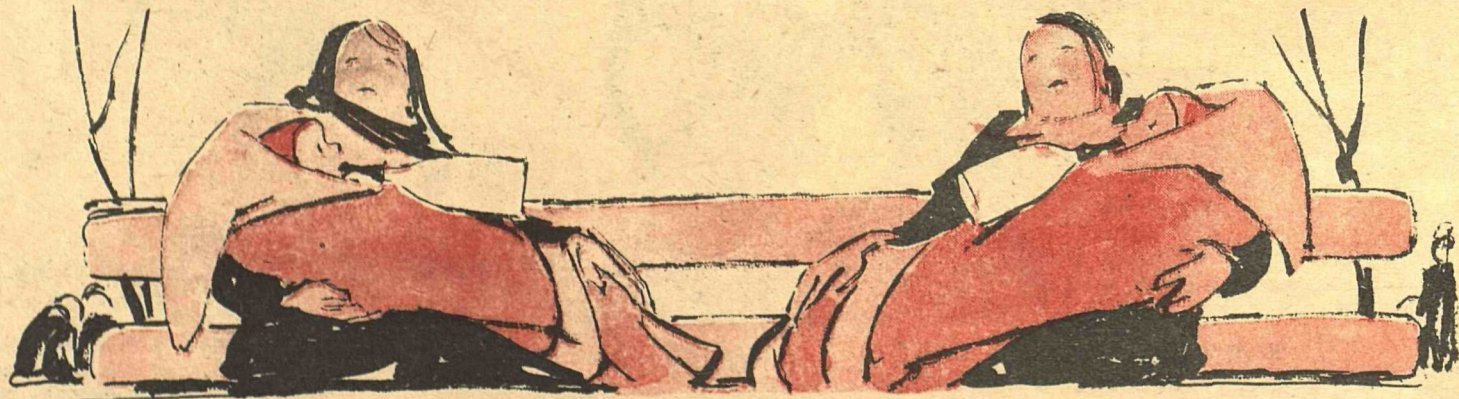
Автор этих строк категорически протестовал.

* * *

Как видите, весна оказала своё размагничивающее влияние и на сатирика.

ЕВГ. БЕРМОНТ

Рис. Л. Соифертиса

Собутыльнички.

...ЧИСТИЛЬНИЦКА САПОГ
— Ах, эти валенки! Они мой враг. Ну то ли дело сапоги!.. Я не люблю зимы. Весна милей раз в тыщу.. Прикажете, почищу?! (Ом, дальше.)

Заметки на полях

В ПЛАНЕТАРИИ

Рис. В. Горяева

ВЕСЕННЯЯ СКАЗОЧКА

Жили-были две руки. Жили дружно, согласованно. Если одна рука что-либо предпринимала, — она обязательно тотчас же информировала дружую.

Но объявился такой чудо-человек, у которого руки жили врозь, каждая самостоятельно.

Управляющий Чкаловским трестом по снабжению совхозов необходимыми материалами по праву считал своего заместителя Котина и главного инженера Соболева своей правой и левой рукой.

Как-то правая рука — заместитель управляющего Котин — предложила Пономаревскому зерносовхозу выслать подводу за получением семидесяти пяти килограммов баббита.

За двенадцать дней подвода проделала путь в четыреста шестьдесят километров — от совхоза до Чкалова и обратно — и привезла только двадцать килограммов баббита.

Чтоб отремонтировать тракторы, этого количества баббита было явно недостаточно, и левая рука — главный инженер треста Соболев — предложила совхозу получить ещё пятьдесят пять килограммов баббита в Бузулуке.

Лучший шофёр совхоза Радок отважился невзирая на лютые бураны пробраться в Бузулук и через четырнадцать суток вернулся обратно ни с чем. И тут оказалось, что левая рука не предусмотрела того, что правая рука запретит Бузулукскому отделению отпустить Пономаревскому совхозу баббит.

Прошло ещё две недели, и правая рука управляющего признала, что допущена ошибка, что, мол, следует снова командировать подводу в Чкалов за баббитом.

Так вот и прошло два месяца, прежде чем удалось согласовать в плановом порядке действия обеих рук.

Когда в совхозе получили, наконец, баббит, там устроили пир горой. И я там был, пиво-мёд пил, по усам текло, да вот за двухмесячную волюкиту никому не попало.

В. Е.

ВОТ ЭТО КЛАСС!

У директора Шолоховской МТС (Днепропетровская область) тов. Самоиленко слова не расходятся с делом. Ещё зимой он несколько раз многозначительно провозглашал:

— В посевную мы покажем!..

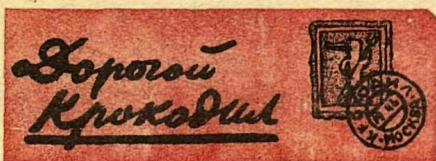
И действительно показал. Например в колхоз имени Молотова из Шолоховской МТС два трактора на одном магнето прибыли. А в колхоз имени Котовского пришли «У-2» и «ХТЗ» с одним карбюратором. Работают поочередно. Вот это класс!

Весна. Солнышко греет в Шолоховской МТС. Пташки поют в Шолоховской МТС. Пышным цветом цветёт благодущие в Шолоховской МТС.

Л. К.

— Куда ты смотришь?
— На звёзды.

(ШИОБМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Свердловская контора Главбумсбыта выпустила полмиллиона листов для писем, которые почему-то называются «секретками». Бойцы нашей части долго не могли понять секрет этих «секреток».

На листочке имеется полоса для заклеивания, но без клея. Каким образом листочек заклеивается? Секрет!

Одинаковые «секретки» и по формату и по качеству (без клея!) стоят 10 и 15 копеек. Почему такая разница в ценах? Опять-таки секрет!

Надеюсь, моё письмо ты не будешь держать в секрете от Министерства бумажной промышленности? Ведь эти «секретки» по его ведомству!

ХОЛОДИЛОВ,
начальник полевой почты № 35309

Уважаемый Крокодил!

Если тебе скажут, что в умеренной зоне Правобережья Украины не могут водиться сёма и кета или не может произрастать шоколадное дерево, — не верь!

У меня на руках имеются на то документальные данные, скреплённые авторитетной подписью.

Начальник Винницкого военторга тов. Жуковский буквально так и писал:

«Выдайте (такому-то) за счёт продукции, полученной из подсобного хозяйства, столько-то кетовой икры, сёмы и столько-то шоколаду».

Столь несвойственная нашему климату продукция, естественно, пользуется большим успехом у друзей тов. Жуковского, а потому, если хочешь лично убедиться в том, что учебники географии устарели, поспеши к нам, иначе эти доказательства исчезнут.

Киев.

А. ЗАСУХА,
ст. государственный инспектор
по торговле УССР

Дорогой Крокодил!

В городе Запорожье объявились два шекспировских героя: Монтеки-Гончаренко (директор электродного завода) и Капулетти-Пономарёв (управляющий трестом «Запорожалюминстрой»).

Спор между ними возник из-за восстановленного дома, куда каждая из враждующих сторон хочет вселить своих работников. Дело кончилось тем, что Монтеки-Гончаренко с помощью военизированной охраны и штурмом овладел домом. Трестовики пустили в ход выданные им на жилплощадь ордера, но, потерпев поражение, вынуждены были покинуть поле боя.

Как известно, Шекспир после некоторых перипетий примирил своих героев. Не так, однако, поступил секретарь Ленинского райкома КП(б)У тов. Воробьёв. На жалобу представителей рода Капулетти он заявил: «На себя пеняйте, раз прозевали. Надо было раньше занять квартиры». Восстановление домов продолжается. Предстоят новые битвы.

Запорожье.

Г. БОЛОТОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 282. Подг. к печати 20/IV 1946 г. Стафформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01966. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 905. Тираж 150 000 экз.

46

Рис. И. Семёнова

Приход весны — сюжет запятый,
 Стихам о мае нет числа.
 Как выражаются поэты:
 «Весна идёт... весна пришла!»

Скажу, других не повторяя:
 Пора цветов и первых гроз
 («Люблю грозу в начале мая»), —
 Весна приехала в колхоз.

Спешит... ей надо в ряд районов
 (Не зря, отвергнув старину,
 Наш зарисовщик И. Семёнов
 Механизировал весну!).

Спешит, торопит, сводок просит:
 «Как обстоит? Готовы, что ль?»
 Зампредправления ей подносит
 Традиционные хлеб-соль.

Встречают с музыкой. Но, «преду»
 Кивнув поспешно головой,
 Весна заводит с ним беседу
 На лад сугубо деловой.

Ишь, любопытна! Знать ей надо
 Доярок, птичниц имена.
 Ты ей скажи, в порядке ль стадо,
 Высокосортны ль семена.

— Скажи при всех (здесь нету тайны?
 Иль ты секретничать охоч?),
 Готовы ль тракторы, комбайны,
 Косилки, сеялки и проч.

— Как обстоит с горячим? Смета?
 План?

... В продолженьи всей зимы
 Весной обдумывалась эта
 Многовопросная анкета.
 Весна от «преда» ждёт ответа.
 Спешу добавить: ждём и мы!

И. ВОЛГИН